

MILHIST

INFO

Пенской В.В., Пенская Т.М. Смоленская осада 1514 года

В статье обстоятельно исследовано ключевое событие русско-литовской войны 1512-1522 гг. - третья осада Смоленска, увенчавшаяся присоединением этого города к Российскому государству, чем цель всей войны и была успешно достигнута.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2014/07/10/penskoj-penskaya_2

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В., Пенская Т.М. Смоленская осада 1514 года [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 114-155. <http://www.milhist.info/2014/07/10/penskoj-penskaya_2> (10.07.2014)

www.milhist.info

2014г.

СМОЛЕНСКАЯ ОСАДА 1514 ГОДА*

Имперский дипломат Сигизмунд Герберштейн, в 1517 и 1526 гг. побывавший в России, оставил записки, обобщив собранную им информацию о Русском государстве и обществе первой трети XVI в. Характеризуя великого князя и государя всея Руси Василия III, он писал, что Василий, подражая своему отцу Ивану III, «присоединил к своей державе множество областей не столько войной, в которой он был менее удачлив, сколько настойчивостью»¹. Среди этих областей был и предмет давнего спора между Русским государством и Великим княжество Литовским — город Смоленск, взятый войсками Василия летом 1514 г. Его значимость прекрасно осознавалась обеими сторонами. Не случайно в 1504 г. русские послы заявляли литовским, что миру с Литвой не бывать до тех пор, пока под властью Ягеллонов будет оставаться «...вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города», которые, по мнению московских дипломатов, «с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»². Точно также и литовские послы позднее, уже после того, как город перешел в русские руки, полагали, что между Русским государством и Литовским «без отданья Смоленска никак миру вечного не дельвати»³.

Столь трепетное отношение к тому, под чьей властью находится этот древний русский город, объясняется довольно просто — Смоленск в равной степени мог считаться как «ключом Москвы», так и «воротами Вильно». Поэтому с того момента, как Иван III, отец Василия и создатель Русского государства, перешел к активной экспансионистской политике на западном

* Авторы благодарят А.Н. Лобина за высказанные замечания, позволившие уточнить некоторые аспекты осады Смоленска в 1514 г.

направлении, прибирая к своим рукам где хитростью, где силой, отошедшие под власть Литвы во второй половине XIV – начале XV вв. русские земли, смоленский вопрос в отношениях двух государств сразу занял одно из первостепенных мест. В 1502 г., на волне эйфории после громкой победы, одержанной над литовцами на реке Ведроше, Иван III послал своего сына Дмитрия Жилку с немалой ратью брать Смоленск. Однако город оказался слишком хорошо укреплен, а смоляне — верны своему господину, великому князю литовскому Александру Казимировичу, так что Дмитрий был вынужден отступить⁴.

Неудача этого похода отнюдь не охладила желание Москвы овладеть Смоленском. Василий III, сменивший умершего в 1505 г. отца, продолжил его дело. Стремясь взять город, он проявил те самые немалые настойчивость и упорство, которые приписывал ему Герберштейн. О третьей по счету, увенчавшейся, наконец, успехом, попытке Василия захватить Смоленск, и пойдет речь в этой статье.

Несколько слов об историографии вопроса и источниках, позволяющих нам рассмотреть историю «смоленского взятия» Василия III — пожалуй, самой крупной и важной военной победы в его правление. Столь значительное событие, которому летом 2014 г. исполняется 500 лет, привлекало внимание и отечественных, и польских исследователей. Среди русских историков наиболее подробное и полное описание последнего похода Василия III к Смоленску составил более ста лет назад Е.И. Кашпровский, широко использовавший как материалы русских летописей и разрядных книг, так и сведения, сохранившиеся в польских хрониках, переписке Сигизмунда I и дипломатических документах того времени⁵. В результате его работа не утратила своего значения по сей день, более того, по большому счету, она так и не превзойдена. Среди советских историков первое место в изучении смоленской эпопеи Василия III принадлежит, безусловно, А.А. Зимину⁶. Из современных исследователей немалое внимание боевым действиям в 1514 г.

уделили М.М. Кром, В.А. Волков и А.Н. Лобин⁷. Правда, во всех этих работах кампания 1514 г. рассматривается на общем фоне русско-литовской войны 1512–1522 гг. Поэтому описание собственно третьей осады Смоленска выглядит или достаточно кратким, как у А.Н. Лобина, или сводящимся к пересказу источников, причем главным образом с русской стороны, без попыток глубокого их анализа, как у В.А. Волкова.

Между тем, на сегодняшний день в нашем распоряжении имеется достаточно обширный корпус материалов, позволяющих вполне четко реконструировать как ход кампании в целом, так и самой осады в частности, попытавшись при этом определить, насколько велики были силы, привлеченные Василием III к реализации его замысла. С русской стороны важнейшими источниками являются, несомненно, летописи — прежде всего псковские, Иоасафовская, Архангелогородский летописец и ряд других⁸. К сожалению, разряды смоленских походов Василия III не сохранились⁹. Сведения же «Государева разряда» 1556 г., равно как и составленных позднее на его основе частных разрядных книг, по сравнению с «нарядом служебным» слишком кратки и лапидарны, что было predetermined самим характером «Государева разряда» как местнического справочника. Тем не менее, они в определенной степени позволяют составить представление о планах русского командования и примерном наряде сил, выделенных для осады и взятия города¹⁰.

Источники с «той» стороны не столь информативны, в особенности применительно к самой осаде Смоленска. Западнорусские летописи немногословны и из них можно почерпнуть лишь сведения относительно хронологии кампании 1514 г.¹¹ Столь же лаконичны в своем повествовании о четвертой осаде Смоленска польские хронисты М. Бельский и М. Стрыйковский¹². Несколько больший интерес представляет переписка Сигизмунда I и первых лиц Польского королевства в 1513–1514 гг.¹³, а также материалы «Литовской Метрики»¹⁴, использование которых дает возможность

уточнить некоторые моменты хронологии кампании 1514 г. и ее подготовки со стороны Великого княжества Литовского.

В целом же привлечение широкого круга сохранившихся источников, как русских, так и зарубежных, прежде всего польских и литовских, позволяет составить достаточно подробное и, как представляется, точное и целостное представление о третьей и последней осаде Смоленска — главном событии русско-литовской войны 1512–1522 гг., которую по праву можно назвать первой Смоленской войной. Но прежде несколько слов о фортификационных укреплениях города, описание которых позволяет дать ответ на вопрос — почему для того, чтобы взять эту пограничную крепость, русским потребовалось предпринять четыре (!) крупномасштабных похода.

Исследовавший историю смоленских укреплений отечественный историк Н.В. Сапожников с сожалением отмечал, что «древнейшие крепостные сооружения Смоленска, предшествовавшие постройке Федором Конем в начале XVII в., каменных стен, остаются почти не изученными». И связано это не в последнюю очередь с тем, что «в настоящее время нет никаких археологических данных, позволяющих судить о системе обороны крепости. Ничего, по существу, не могут дать и графические источники XVII в., поэтому для реконструкции системы вооружения крепости приходится пользоваться немногочисленными письменными данными...»¹⁵.

Что же сообщают нам эти данные? Характеризуя географию города, литвин С. Маскевич спустя почти сто лет после осады 1514 г. писал, что «между городом и крепостью протекает река Днепр, т. е. на одной стороне лежит крепость, а на другой город. Крепость стоит на возвышении, к Днепру очень отлогом, прорезанном многими глубокими оврагами, и заключает в себе семь гор, между которыми без мостов сообщение было бы весьма трудно. Город к Днепру лежит на месте более ровном и болотистом; а далее возвышается гора, как и в крепости»¹⁶. Поскольку в основе своей расположение города и его внутренняя структура за сто лет радикально не изменились, то эти слова

вполне применимы к тому Смоленску, который уже в четвертый раз предстал пред глазами московских «воинников» в 1514 г. Существенным отличием было то, что в 1609 г. войску Речи Посполитой предстояло штурмовать каменную крепость, а старый смоленский «замок» начала XVI в., расположенный на левом, южном берегу Днепра, был устроен иначе. Но как?

Увы, свидетельства современников с обеих сторон по этому поводу на удивление немногословны и лаконичны. Так, Иоасафовская летопись отмечала, что Смоленск «град же имеа твердость, стремнинами гор и холмов высоких же затворено и стенами великими укреплено...»¹⁷. Польский писатель М. Меховской в своем трактате «О двух Сарматиях», увидевшем свет спустя несколько лет после падения Смоленска, все еще относил город ко владениям великого князя Литовского, но был еще более краток — «замок и город Смоленск, выстроенный из дуба и защищенный глубокими рвами»¹⁸. Немногое к этому описанию добавляет имперский дипломат С. Герберштейн, неоднократно бывавший в России в те годы. По его словам Смоленск «имеет на том берегу (Днепра. — В.П., Т.П.) к востоку деревянную (дубовую, как следует из латинского текста записок имперца. — В.П., Т.П.) крепость... Эта крепость, там где она простирается в направлении холма — ибо с другой стороны она омывается Борисфеном (Днепром. — В.П., Т.П.), — укреплена рвами, сверх того острыми кольями (надо полагать, речь идет о палисаде поверх крепостного вала. — В.П., Т.П.), которые защищают от нападения врагов»¹⁹. Есть и другое, весьма любопытное свидетельство С. Гурского, секретаря королевы Боны, второй жены Сигизмунда I. Описывая по горячим следам укрепления Смоленска, он отмечал, что город — неприступная крепость «благодаря самой реке, болотам, а также человеческому искусству, стенам из дубовых бревен, сложенных срубом в виде четырехугольников, набитых глиной изнутри и обмазанных ею снаружи; окружена она рвом и столь высоким валом, что едва видны верхушки зданий, а сами укрепления не могут быть разбиты ни огнем пушек, ни таранами, и невозможно устроить под них подкопы, чтобы

разрушить или сжечь с помощью мин, огня или серы»²⁰. Наконец, анонимный немецкий автор, сообщая о предпринятой в 1513 г. осаде Смоленска, писал, что «крепость не имела каменной стены, но только была окружена дубовыми загородками, наполненными очень толсто для сопротивления камнями и землю; через эти перегородки не проникло ни одно ядро»²¹.

Таким образом, в начале XVI в. Смоленск четко делился на левобережный «замок» (в русских документах — «Старый большой город»), примыкавший к нему так называемый «Пятницкий острог» (он же «Земляной город») и находившийся на северном, правом берегу Днепра «Заднепровский острог». «Замок» был самой старой и наиболее укрепленной частью Смоленска. Характеризуя его фортификации, Н.В. Сапожников писал, что «городские оборонительные сооружения этого времени (начала XVI в. — В.П., Т.П.) имели протяженность более 3,5 км и охватывали огромную территорию площадью примерно в 65 га...»²². Чтобы ворваться в «Старый город», атакующим необходимо было преодолеть сперва ров, а затем — взобраться на высокий вал. Этот вал был смешанной конструкции — в основе его лежали мощные срубы, сделанные из дубовых бревен и засыпанные внутри землей и камнем. Слой земли покрывал срубы снаружи, придавая им дополнительную защиту от воздействия артиллерии и огня. Поверх вала шла деревянная стена с башнями, о которых сообщают немецкий аноним и Иоасафовская летопись — согласно последней, во время третьей осады Смоленска в 1513 г. огнем московской артиллерии была разбита Крыношевская (Крылошевская) башня-стрельница²³. Пятницкий острог, примыкавший к «замку» с запада, имел протяженность около 1,5 км и, видимо, несколько менее мощную дереvozемляную конструкцию, чем вал «Старого города». Укрепления были также и на заднепровской сторона Смоленска, но об их характере пока сказать что-либо определенное сложно.

Фортификации подобной смешанной конструкции, как отмечал Р. Гейденштейн, автор «Записок о Московской войне» короля Речи Посполитой

Стефана Батория, были «более безопасны для обороны и представляют большую выгоду, нежели каменные (очевидно, имеются ввиду традиционные средневековые замки с высокими, но относительно тонкими каменными стенами — В.П., Т.П.), так как, с одной стороны, такое строение больше противится действию орудий, а с другой, если оно и пробито, то это не ведет за собой большого разрушения стены, что обыкновенно бывает с каменной постройкой...»²⁴. Взять такую крепость при тогдашнем уровне развития осадной техники было чрезвычайно сложно. Первым в этом убедился великий князь литовский Витовт, который за столетие до Василия III, в 1404 г., сумел овладеть городом лишь со второго раза, воспользовавшись тем, что в Смоленске отсутствовал его князь Юрий Святославич, а пролитовская «пятая колонна» подняла голову благодаря этому обстоятельству. Затем наступил черед Ивана III, внука Витовта. Его сын Дмитрий, как уже было отмечено выше, в 1502 г. безуспешно осаждал Смоленск, положив начало череде попыток Москвы овладеть этим стратегически важным городом на Днепре.

После десятилетнего перерыва дело своего отца и брата продолжил Василий III. Воспользовавшись тем, что его сестра Елена, вдова прежнего великого князя литовского Александра, осенью 1512 г. была арестована и вскоре скончалась в заточении, Василий решил не ждать, пока Сигизмунд I, брат покойного Александра, договорится о совместных действиях против него с крымским «царем» Менгли-Гиреем I. В Вильно был послан со «складною грамотою» подьячий Васюк Всесвятский, а в грамоте той государь «писал свое имя с титлы, а королево без титлы. А в грамоте писал обидные всякие дела и о том, что королеве (Елене Ивановне. — В. П., Т.П.) паны безчестье учинили, и людей и казну и именье ее поимали, и бесерменства на государеву землю наводит; и за то за все взял Бога на помочь, пошел на него и хочет стоять, сколько Бог помочи подаст...»²⁵. 14 ноября 1512 г. московский великий князь отправил под Смоленск «наперед себя» рать под началом князя И.М. Репни-Оболенского и конюшего И.А. Челяднина. Спустя месяц с небольшим Василий

лично выступил в поход добывать «своей отчины»²⁶. Однако смоляне, сев в осаду, держались, несмотря на постоянный обстрел города русской артиллерией. В конце января 1513 г. они отразили предпринятый охочими псковскими «и иных городов» пищальниками штурм. В итоге, простояв под городом шесть недель, когда «нача тепло быти, весна и воды многы, а корму конскаго скудно бе», Василий скрепя сердце был вынужден отдать приказ начать отступление и вернуться в свою столицу²⁷.

Неудача не обескуражила московского государя. Прошло лишь несколько дней после возвращения из похода, как 17 марта 1513 г. великий князь и Боярская дума приговорили идти на город во второй раз²⁸. Тут как нельзя более кстати пришлось нанятые Василием III в Германии, Чехии и Италии, при посредничестве некоего саксонца К. фон Шляйница, человека «отъехавшего» в 1507 г. из Литвы на Москву князя М. Глинского, отряды немецких пехотинцев-ландскнехтов и всадников, а также итальянских и немецких инженеров. Кроме того, там же были закуплена и осадная техника (артиллерия?)²⁹. К началу лета 1513 г. на русско-литовской границе была собрана немалая армия, ждавшая приказа о наступлении. Сам великий князь выехал из Москвы 14 июня, направляясь в Боровск «своего для дела смоленского». Спустя три дня передовые силы московской рати во главе с воеводами князем И.М. Оболенским-Репней и окольным А.В. Сабуровым перешли границу и двинулись к Смоленску, имея задачу выйти к городу, блокировать его и сорвать сбор урожая, одновременно довершив разорение смоленских окрестностей³⁰.

В конце июля русские полки подошли к Смоленску. Тамошний наместник, Юрий Глебович, по сообщению русских летописей, вместе с «князьями и боярами Смоленска», с «гетманы желнырскими зь желныри» попытался разгромить рать Оболенского-Репни, «выехаша за город за валы на бой». К сожалению, силы сторон точно определить нельзя, но, исходя из списочного состава полков под началом Репни, можно предположить, что с ним было самое

большее примерно 5–6 тыс. «сабель», а скорее всего — меньше. Сколько имел Юрий Глебович, можно лишь догадываться. Но согласно реестру смоленских князей, бояр и слуг доспешных, щитных, панцырных с сыновьями, братьями, братаничами, зятьями «в поделе» и «неделеных», всех их вместе набиралось около 2 тыс. Наемный же гарнизон Смоленска был немногочислен. Так, в 1503 г., вскоре после того, как Дмитрий Жилка со своей ратью отступил от города, он состоял из семи пеших рот списочным составом 803 пехотинца и 27 всадников³¹. Похоже, что русский воевода перехитрил смоленского наместника. Подставив под удар относительно немногочисленный авангард, он вынудил неприятеля совершить вылазку, после чего атаковал его всеми своими силами и разгромил: «Божиим милосердием великого князя воеводы смоленского воеводу и князей и панов прогнаша, и многих людей побиша, и иных князей, и бояр и желнырей живых многих поимаша...»³².

С подходом в августе основных сил русского войска Смоленск был плотно обложен «до такой степени, что туда никогда, до последнего дня его (Василия Ш. — В.П., Т.П.) отступления, не могло проникнуть никакое письмо или донесение...»³³. Сам великий князь со своим двором, братьями Дмитрием и Андреем и немалым осадным парком, подступил к Смоленску только 22 сентября 1513 г.³⁴ Немецкий аноним писал, что у великого князя было 2 тыс. больших и малых «buchsen», видимо, имея в виду как артиллерийские орудия, так и ручницы-пищали³⁵. Причина этой ставшей роковой задержки главных сил русских очевидна — московский государь ждал вестей с южной границы, опасаясь внезапного удара крымских татар. И когда стало ясно, что татары не выступят на помощь Сигизмунду, он со спокойным сердцем отправился во второй раз осаждать непокорный город³⁶.

Прибыв с новыми силами и артиллерией в лагерь обложившей Смоленск армии, «князь великий... пушки повеле изставити и по граду ис пушек и ис пищалеи повеле бити по многи дни»³⁷. Причем часть орудий, если верить Герберштейну, была изготовлена в ходе самой осады под стенами города³⁸.

Новая осада города длилась еще шесть недель, и самыми тяжелыми для ее защитников оказались последние четыре, когда мощная бомбардировка практически не прекращалась, а отряды охотников раз за разом пробовали взобраться на смоленские валы. Мощный огонь московской артиллерии в нескольких местах разрушил шедшие поверх земляного вала городни, разбил Крыношевскую башню, «великие скорби и бои пушками и пищалми по много дни сътвори...»³⁹. Однако немногочисленный гарнизон города и смоляне, ободренные слухами о том, что сам Сигизмунд прибыл в Вильно со свежими войсками, продолжали держаться, исправляя по ночам повреждения, наносимые русской артиллерией. Получив известия о том, что великий князь литовский и польский король собирает силы для того, чтобы попытаться деблокировать Смоленск и зная, что истощенная и разоренная Смоленщина уже не может кормить многочисленную русскую армию, Василий решил не искушать судьбу. Доставка же провианта, фуража и амуниции для армии из московских владений по осенним дорогам было непростой задачей⁴⁰. В начале ноября великий князь отдал приказ прекратить осаду и повернуть домой, на зимние квартиры⁴¹. Сам Василий Иванович вернулся в Москву из похода «на Веденьев день» (21 ноября) 1513 г., «не оучиня ничего же, только землю Литовскую поусту dospел»⁴².

Казалось бы, после второй неудачи у великого князя должны были опуститься руки, но, как уже было отмечено выше, Василий отличался упорством и настойчивостью в достижении намеченной цели. Так что второе подряд отступление от Смоленска вовсе не привело его в уныние. Напротив, похоже, что он счел происходящее соответствующим его плану. План же этот, видимо, заключался в том, чтобы взять смолян измором, не давая им роздыху. В первый поход Смоленск лишился своих посадов, во второй — было довершено разорение его окрестностей, а урожай на полях погублен или собран московскими фуражирами. Примечательно, что немецкий аноним сообщал о

том, что во время второй осады осажденные испытывали голод и были вынуждены съесть всех лошадей⁴³.

Василий был хорошо осведомлен от своих агентов и тайных доброхотов о том, что происходит в Смоленске и каково его положение. В одной из родословных книг, Румянцевской редакции, составленной в 40-х гг. XVI в., сообщается об одном из таких информаторов — некоем Тимофее Фролове. Он и его отец Фрол «отъехали для незгоды в Смоленск», а затем, «как князь великий Василей почал Смоленска достигати, и в те поры, живучи в Смоленску, Тимофей великому князю Василью служил, и вести к нему всякие посылал»⁴⁴.

Судя по всему, к концу 1513 г. собственные ресурсы Смоленска начали иссякать, а его запас прочности подходил к концу, и выбранная Василием стратегия должна была рано или поздно принести успех. Нужно было только не прекращать давления на смолян, поставить их перед выбором — капитуляция либо неминуемая смерть или рабство. И соответствующее решение было принято. Зима 1513–1514 гг. прошла в напряженной дипломатической деятельности и подготовке нового похода, а уже 4 февраля 1514 г. великий князь с боярами «приговорили» «итить к Смоленску в третие»⁴⁵.

Новый поход замышлялся с самого начала как крупномасштабная экспедиция, к которой привлекалась большая часть военных сил, которыми располагало Русское государство. При составлении плана кампании в Москве исходили, во-первых, из стратегических соображений: главным противником было Великое княжество Литовское, но существовала необходимость выставить силы, достаточные для того, чтобы у крымского «царя» не возникло соблазна нанести удар по незащищенной русской «крымской украине», а также надо было выделить на всякий случай войска на восточную границу, против Казани, где сидел хан Мухаммед-Эмин, старый, еще с 1506 г., враг Василия. Во-вторых, следовали установившейся к тому времени традиции — так, служилые люди Северо-Запада, прежде всего Новгорода и Пскова, воевали

главным образом у себя «дома», против ливонцев и литовцев под Полоцком и Витебском. С учетом всего этого и был составлен план ведения новой кампании.

Прежде всего, учитывая двусмысленную позицию, которую занял по отношению к Москве крымский «царь» Менгли-Гирей, в начале мая под Тулой начала разворачиваться большая, пятиполковая рать во главе с воеводами боярами князем А.В. Ростовским и М.Ю. Захарьиным: 10 воевод, ориентировочно 4–5 тыс. «сабель», в том числе и часть Государева двора, отборные «кутазники» и «аргумачники»⁴⁶. Оба военачальника считались одними из наиболее опытных и заслуженных воевод Василия III, само их назначение косвенно свидетельствует о том, что в Москве, как и прежде, не оставляли вниманием «крымскую Украину», а князь Ростовский со товарищи должен был надежно прикрыть это направление, пока сам великий князь с главными силами будет штурмовать Смоленск⁴⁷.

На другом, северо-западном фланге, в Великих Луках, по государеву приказу и боярскому приговору собирались «сила новгородская» и «тверская» во главе с новгородским наместником боярином князем В.В. Шуйским: 5 полков, 9 воевод, примерно 3–4 тыс. «сабель» и «пищалей»⁴⁸. Задача, стоявшая перед этой ратью, очевидна — создавая угрозу вторжения на Полоцком и Витебском направлениях, Шуйский со товарищи должен был отвлечь на себя часть сил, которые Сигизмунд мог отправить на помощь смолянам.

Основные же силы русского войска разворачивались в районе Дорогобужа — города, где по старой доброй традиции собирались полки перед тем, как выступить на Смоленск. Во главе пятиполковой рати (11 воевод, 5–6 тыс. «сабель») стояли заслуженные воеводы князь и боярин Д.В. Щеня, победитель литовцев на Ведроше двенадцатью годами ранее, и конюший боярин И.А. Челяднин. Эта группировка войск должна была составить первый эшелон армии для осады Смоленска в кампанию 1514 г. Судя по развитию событий, Щеня и Челяднин со своими полками получили приказ быстро выдвинуться к

Смоленску, блокировать город и создать условия для подхода второго эшелона под началом самого великого князя.

Кроме того, на Угре, видимо, в районе Калуги, на полпути между Дорогобужем и Тулой, разбили лагерь воеводы князь и боярин С.И. Воронцов, окольный И.В. Хабар Симской и П.Я. Захарьин, с примерно тысячью «сабель»⁴⁹. Очевидно, что этот корпус, по замыслу составителей плана операций на весну-лето 1514 г., предполагалось использовать в зависимости от развития ситуации — или на «южном», «крымском» фронте, или же на западном, смоленском направлении.

Таким образом, без учета тех сил, что Василий концентрировал на Москве и во главе которых намеревался лично двинуться на Смоленск, а также служилых татар, на трех стратегических направлениях московский государь собрал порядка 13–16 тыс. «сабель» и «пищалей», большая часть которых так или иначе могла быть задействована на смоленском направлении. С великим князем находились часть Государева двора, дворы его братьев, «наряд», пищальники сборные с городов и пищальники «казенные»⁵⁰. Татар же было 1–1,5 тыс. «сабель», участие которых в третьем смоленском походе Василия несомненно, но ни летописи, ни разрядные книги о том, куда они были распределены на начальном этапе кампании 1514 г., не говорят⁵¹. Какие силы противостояли им с литовской стороны?

Сигизмунд, прекрасно понимая, что еще одна осада будет непременно, и в очень скором времени, а силы Смоленска на исходе, попытался на этот раз помочь горожанам не только словом, но и делом. В конце 1513 г. из Кракова в Вильно был отправлен немалый транспорт с порохом, селитрой и свинцом, так что в распоряжение смоленского хорунжего Михаила Баси были доставлены под конвоем служилых татар «пороху до Смоленьска дельничого (для артиллерийских орудий. — В.П., Т.П.) и гаковъничьного (для тяжелых крепостных ружей-гаковниц. — В.П., Т.П.), ручьничьного (для ручного огнестрельного оружия. — В.П., Т.П.) шестьдесят камени (почти 900 кг. —

В.П., Т.П.), а салетры шестьдесят каменеи, а серы десять (почти 150 кг. — В.П., Т.П.) каменеи, свиньцю шестьдесят каменеи без полкаменя (892 кг. — В.П., Т.П.)...». Вслед за этим пан хоружий получил через Вильно присланных из Кракова же 100 гаковниц и к ним в придачу еще «кулекъ (свинцовых пуль. — В.П., Т.П.) бочечьку, в личбу пять тысячеи да 100 (по 51 выстрелу на гаковницу. — В.П., Т.П.)...»⁵².

Посчитали необходимым Сигизмунд и паны-рада также заменить смоленского наместника Юрия Глебовича. За что — можно только догадываться, ведь Юрий дважды сумел отстоять врученный ему город от попыток московитов взять его. Ведь не считать же причиной смещения Глебовича его поражение под валами Смоленска летом 1513 г.! На смену опальному воеводе был прислан Юрий Сологуб, ранее уже занимавший эту должность в Смоленске в 1503–1507 гг. 9 апреля новый наместник и воевода принес торжественную присягу, в которой обязался «его милости господарю моему (Сигизмунду. — В.П., Т.П.) вернее и справедливее служити, и индеи нигде не маю ся склоняти вмыслом и вчинком, и маю на господаря его милости Жикгимонта, короля польского и великого князя, тот замок (смоленский. — В.П., Т.П.) держати и боронити, и никому не подавати, толко ему, господарю моему приржоному...»⁵³.

Однако одной только посылкой пороха, селитры и свинца вместе с артиллерией в Смоленск и сменой тамошнего наместника Сигизмунд не ограничился. Польский хронист М. Бельский сообщал, что в августе 1513 г., приехав из Кракова в Вильно, великий князь собрал панов-раду и предложил им для продолжения войны не только созвать посполитое рушение, но и нанять «служебных», наемников, 10 тыс. конных и 2 тыс. пеших⁵⁴. Однако при тогдашних расценках (в квартал 4 золотых на коня и 2 золотых на пехотинца-драба, а в золотом 22 гроша⁵⁵), нужно было выдать ротмистрам наемников только для начала 48 тыс. золотых или 17,6 тыс. коп грошей. Таких денег в казне-скарбнице не было ни тогда, ни после, о чем горько сожалел епископ

Перемышльский Петр Томицкий в апреле 1514 г.⁵⁶ Поэтому паны-рада дали согласие на набор лишь 7 тыс. наемников, о чем и сообщал Сигизмунд в письме к собравшимся в начале 1514 г. в Пиотркуве делегатам коронного сейма⁵⁷.

Для того, чтобы раздобыть деньги на продолжение войны, в ноябре 1513 г. великий князь литовский уговорился с панами-радою созвать в Вильно вальный сейм, на котором решить — воевать ли с Москвой дальше или же мириться, а если воевать, то добиться выделения необходимых для этого средств. Сейм собрался в феврале и работал почти полтора месяца. Выступая на нем, Сигизмунд, по словам М.К. Любавского, «предложил станам сейма вопрос, желают ли они продолжать войну с великими князем Московским или принять мир на тяжких и позорных условиях», на что собравшиеся ответствовали ему, что «предпочитают бороться до последних сил, чем покупать мир ценою уступки Смоленска или перемирия ценою выдачи пленных». И подтверждая свою решимость идти до конца, депутаты сейма проголосовали за выделение средств на наемников-жолнеров — поголовщину с каждой крестьянской души мужеска и женска пола, стара и млада, по грошу, двух грошей с бояр и золотого (florenum) с каждого урядника и вельможи⁵⁸.

Увы, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Только 10 апреля 1514 г., то есть спустя месяц после того, как сейм завершил свою работу, Сигизмунд отправил коронному подскарбию (казначею) А. Костелецкому письмо со списком из двенадцати ротмистров, которым было поручено набрать в кратчайшие сроки 2230 всадников, и двенадцати же ротмистров, под началом некоего Я. Спергальдта, которые должны были набрать 2 тыс. пехотинцев-драбов⁵⁹. Таким образом, фактически количество нанимаемых «служебных» было практически уполовинено. При этом только 29 апреля ротмистры конных и пеших рот получили на руки реальные деньги — 4094 коп грошей и еще 24 гроша с половиною⁶⁰. И лишь спустя месяц, 13 мая, Сигизмунд поручил коронному надворному гетману Я. Свирчовскому, старосте Теревовльскому и Ропчицкому, который должен был возглавить весь наемный корпус в кампании

1514 г., набрать еще 2 тыс. конных и 2 тыс. пеших «служебных». Да и то, спустя неделю, судя по письму Сигизмунда Костелецкому, эти 4 тыс. «служебных» «усохли» до 1,6 тыс. конных в восьми ротах и 1 тыс. пеших в пяти ротах⁶¹.

Увы, выделение средств еще не означало, что 4 или 8 тыс. «служебных» немедленно окажутся на передовой и встанут грудью на пути московских полков — нанятым жолнерам еще нужно было прибыть к месту предполагаемых боевых действий. Так, вторая «партия» наемников ожидалась в Бресте только к 29 июня 1514 г.⁶² Оттуда до Минска по прямой было более 300 верст и еще столько же — до Смоленска, то есть без малого месяц, а то и больше, пешего марша! И этот марш нужно было еще организовать надлежащим образом, решив вопросы расквартирования наемников и снабжения их провиантом и фуражом. Между тем Сигизмунд только 26 мая 1514 г. утвердил расценки, по которым жолнеры Свирчовского должны были покупать провиант, а «силою не брати и не халупить» его⁶³. То есть это случилось только когда кампания началась и, как будет показано ниже, русские полки уже стояли под Смоленском.

В общем, сбор и переброска к месту будущих боев «солдат удачи» были делом сложным, требующим немалых расходов и времени, почему Сигизмунд и паны-рада изначально решили дополнить наемный контингент созывом посполитого рушения. В преддверии новой кампании король дважды отправлял письма «наместникомъ нашимъ и тивономъ по дворомъ нашимъ ... и кнеземъ, и паномъ, и кнегинямъ, и паням вдовамъ, и бояром, и дворяном нашим, и всим тым подьданым нашимъ, ... и слугам путнымъ...» о том, чтобы они «есте были поготову на службу нашу, на воину, и держали кони сытыи и зброи чисты» и ждали вести «на которой рокъ а котором мestyцу бытии, ажбы есте конно а зброино там на тот рокъ были»⁶⁴. Однако рассылка «листов» о мобилизации откладывалась до получения вестей о начале неприятельского наступления. В итоге соответствующие письма были отправлены только 24 мая

1514 г., спустя неделю (!) после того, как московские полки «облегли» Смоленск, а собраться посполитое рушение планировало в Минске спустя месяц, на день св. Яна, и туда же должен был прибыть из Бреста первый эшелон жолнеров⁶⁵.

Одним словом, к тому моменту, когда Сигизмунд получил печальную новость о том, что Василий III открыл новую военную кампанию и двинул свои полки на Смоленск, в его распоряжении реально оказалось около пяти сотен драбов под началом Я. Спергальдта⁶⁶. Так что смолянам в итоге оставалось, как и прежде, рассчитывать на свои собственные, отнюдь не бесконечные силы, да ждать, пока на горизонте появятся обещанные великим князем стройные ряды наемных жолнеров и отряды посполитого рушения, которые заставят русских отступить.

Была, правда, у Сигизмунда еще одна надежда. Ему удалось договориться о совместных действиях против «московского» с крымским ханом Менгли-Гиреем. 3 февраля 1514 г. ханские послы доставили Сигизмунду «докончанье царево», в котором, помимо всего прочего, крымский «царь» обязывался быть с Сигизмундом, «братом нашим, в братстве и приязни быти, против приятеля его приятелем, а противку неприятелем его неприятелем». Менгли-Гирей обещал великому князю литовскому, что он сам со своими сыновьями «со всеми детми и со всеми внучаты, и з уланы, князи и мурзами, и все великое мое войско ... коли будет потреб на князя московского, маем послати Жикгимонту, королю, брату нашему на помочь»⁶⁷. Уже 21 февраля великий князь литовский отправил хану ответное послание, в котором писал, что де «нине того час есть, бо вжо весна пришла, а кождаи, хто мает з неприятелем своми дело делати, вжо починает», и потому он, великий князь, просит своего брата, «волного царя», выполнить свое обещание и «сынов своих вжо прости в землю неприятеля нашего московского послал...»⁶⁸. Однако и эта надежда оказалась призрачной. Как писал 26 мая (!) 1514 г. великий князь литовский остринскому наместнику С. Скиндеру, «от тыхъ часовъ (предыдуших посланий к Менгли-Гирею. —

В.П., Т.П.) и до сихъ мечь от царя, брата нашего, жадного гоньца есмо не видели» и признаков того, что хан выполнит свое обещание — тоже! Одним словом, несмотря на попытки учесть печальный опыт предыдущих лет войны, новая кампания начиналась как обычно — Литва снова оказалась не готова к наступлению московитов.

Когда же полки Василия III начали кампанию и двинулись на Смоленск? Ясности в этом вопросе нет, поскольку и русские, и польско-литовские источники противоречат друг другу. В летописях точное время отправки в Дорогобуж назначенных командовать государевыми служилыми людьми воевод отсутствует, а разрядные книги путаются в показаниях — так, согласно «Государеву разряду», составленному около 1556 г., воеводы отъехали к полкам 30 мая 1514 г., а в Разрядной книге 1475–1605 гг. явно ошибочно указывается дата отправки воевод — 30 февраля (!)⁶⁹. Логичнее, конечно, смотреться дата 30 мая, тем более, что 27 мая в Москве и по всему Российскому государству отметили Вознесенъев день, поэтому после праздника воеводы могли с чистым сердцем отправиться на войну.

Нет полной ясности и с тем, в какой очередности прибывали русские полки под Смоленск. Так, Воскресенская летопись, сообщая, что Василий III 8 июня 1514 г. выступил из Москвы, отмечает, что государь «наперед себя послал ко граду Смоленску воевод своих, князя Бориса Ивановича Горбатого, да князя Михаила Васильевича Киселку, да боярина и конюшого своего Ивана Андреевича (Челяднина. — В.П., Т.П.) и иных своих воевод, с многими людьми», которые и «оступиша» Смоленск⁷⁰. Софийская 2-я летопись уточняет показания Воскресенской летописи: «и те воеводы под город пришед да город облегли месяца июня»⁷¹.

Несколько иначе выглядит картина, представленная в повести о взятии Смоленска из Иоасафовской летописи. Источник подтверждает, что действительно, Василий III «наперед себя» отправил князя Б.И. Горбатого и конюшого И.А. Челяднина со многими воеводами и ратными людьми, но этот

корпус «пришед к Смоленску, у града сташа, а града не оступиша». Начало же действительной осады неизвестный автор повести связывал с подходом второго эшелона русской рати во главе с князьями Д.В. Щеней и М.Л. Глинским «со многими людми». «И те воеводы, — продолжает книжник, — пришед к Смоленску, и с предпосланными воеводы великого князя град оступиша»⁷². Лишь затем, в чем сходятся все русские летописи, к крепости подступил сам государь.

Стоит отметить, что картина, описанная в Иоасафовской летописи, не сочетается с данными разрядных книг. Князь Б.И. Горбатый был первым воеводой Сторожевого полка, тогда как И.А. Челяднин — вторым воеводой Большого полка⁷³. Но такой выбор смотрится на первый взгляд нелогично. Разрешить это противоречие можно только лишь в том случае, если предположить, что перед нами типичная, хорошо известная «лехкая» рать, состоявшая из отборных «резвых людей», задача которой заключалась в разведке, опустошении местности и подготовке условий для наступления главных сил.

Таким образом, если попытаться выстроить из этих достаточно разрозненных и противоречащих порой друг другу свидетельств внутренне логичную и связную картину, то выходит, что русское войско выдвигалось к Смоленску тремя эшелонами. Сперва, возможно в последних числах мая – первых числах июня 1514 г., — «лехкая рать» из Сторожевого полка, усиленного «резвыми людми» (Государев двор?) Большого и Передового полков. Вслед за ней, в первых числах июня 1514 г., выступили главные силы сосредоточенной под Дорогобужем рати во главе с князем Д.В. Щеней. А уже потом, 8 июня, из Москвы (!), к Смоленску двинулся сам великий князь со своим двором, братьями Юрием и Семеном, которые, надо полагать, также пошли со своими дворами, и с «нарядом», а также с частью сил, снятых с тульского направления⁷⁴.

Однако эти сведения не совпадают с информацией «той стороны». Прежде всего, летописи Великого княжества Литовского сообщают точную дату начала русскими войсками третьей осады Смоленска: «лета Божого нарожения 1514 мсца мая 16 дня за тыидень по святом Миколе по весне уво второк»⁷⁵. В Вильно эта новость попала не позднее 20 мая⁷⁶. Однако, если судить по переписке епископа Перемышльского П. Томицкого, князь М.Л. Глинский с 1 тыс. всадников появился под Смоленском уже в начале апреля 1514 г. и «блокировал» его (в тексте использован глагол «obsident», имеющий несколько значений, в том числе «осадил», «обложил», «блокировал»). Письмо, в котором содержится это известие, помещено между королевскими посланиями, которые датируются 12 и 21 апреля 1514 г.⁷⁷ В другом, также недатированном, письме епископа, помещенным в сборнике между королевскими письмами от 9 и 10 мая, Смоленск считается осажденным («obsidetur»)⁷⁸. Но сам Сигизмунд в корреспонденции второй половины апреля – начала мая 1514 г. нигде не упоминает, что Смоленск осажден и нужно поспешить со сбором сил для его деблокады⁷⁹. Первое свидетельство о том, что московское войско обложило Смоленск, содержится в письме короля воеводе краковскому М. Каменецкому, которое датируется 23 мая 1514 г. (!)⁸⁰.

По всему выходит, что епископ перемышльский был осведомленнее короля в вопросах, которые касаются судьбы Смоленска, да и волновала его эта проблема больше, чем Сигизмунда! Но, согласитесь, что это невероятно и, следовательно, составитель сборника перепутал хронологию писем епископа, датируя те из них, в которых повествуется о начале осады Смоленска, по меньшей мере, на месяц раньше, чем они были написаны. Поскольку же Сигизмунд именно в двадцатых числах мая всерьез обеспокоился судьбой крепости, из этого можно сделать вывод, что все-таки передовые отряды московитов подступили к городу примерно в середине мая 1514 г.⁸¹

С учетом всего вышеизложенного история четвертой и последней осады Смоленска русскими войсками может быть представлена следующим образом.

После того, как московские государь и бояре приговорили о начале третьего похода на Смоленск, на места были разсланы гонцы с требованием служилым людям выступить к назначенным местам сбора. Февраль, март и апрель ушли на сбор войска и «наряда», создание запасов провианта, фуража и амуниции. Когда к концу апреля эта сложная работа была в целом завершена, после весеннего Юрьева дня (23 апреля) воеводы, назначенные в полки, собравшиеся под Дорогобужем, отправились к месту службы. Возможно, это состоялось 30 апреля. Тогда же в Новгород поскакал гонец с указом тамошнему наместнику князю В.В. Шуйскому выступить со всею своею «силою» в Великие Луки.

В начале мая 1514 г. московская «лехкая» рать, составленная из Передового полка и «резвых людей» полков Большого илевой руки, предположительно насчитывавшая 1 тыс. всадников, выступила к Смоленску⁸². От Дорогобужа до Смоленска, согласно «Книге Большому Чертежу», 80 верст⁸³. Двигаясь с обычной скоростью 25–30 верст в сутки, «лехкая» рать достигла бы Смоленска самое большее за 3 дня. Следовательно, из Дорогобужа она выступила примерно 11–12 мая 1514 г. и тогда подошла к Смоленску 16 мая, что и было зафиксировано в западнорусских летописях и в переписке Томицкого⁸⁴. В ходе последовавших в окрестностях города стычек смолянами были взяты пленные. Они показали на допросе, что их отряд — лишь авангард большой русской рати, а за ними следом идет князь Даниил Щеня, *supremum campiductor* московского великого князя, с немногочисленной артиллерией. Но и это еще не все — по словам пленников, сам великий князь Московский намерен прибыть под Смоленск с огромнейшим войском («*validissimo exercito*») и взять город⁸⁵.

Получив эти известия, Сигизмунд понял, что Василий снова, как и в предыдущие годы, его опередил. Наемники из числа тех, которых успели набрать к концу апреля, все еще находились на марше. Один лишь «дворянин Его Королевской Милости» Спергальдт со своими людьми был под рукой — очевидно, что он и его жолнеры получили деньги в Кракове еще в начале апреля, раз они в 20-х числах мая 1514 г. находились, скорее всего, в Минске.

Его и отправили спешно на усиление гарнизона Смоленска⁸⁶. При этом ротмистр получил и другой приказ — если не выйдет прорваться в осажденный город, то засесть в Орше, не допуская продвижения неприятеля дальше⁸⁷. Сам же Сигизмунд развивает лихорадочную деятельность, пытаясь наверстать упущенное. 24 мая по поветам были разсланы «листы» с объявлением мобилизации с указанием времени и места сбора посполитого рушения и с угрозой, что если «хто бы службы наше и року умешкаль, тогда тот мел тымь карань бытии шиями и имени...»⁸⁸. 26 мая Сигизмунд отправляет гонца с письмами к Менгли-Гирею и его старшему сыну и наследнику-калге Мухаммед-Гирею с просьбою и напоминанием, чтобы хан «велель без мешканья сыном своим и войску своему на кон всисти и тягнути просто в землю того нашего неприятеля, великого князя московского» во исполнение своих обещаний и клятв⁸⁹.

Оснований для беспокойства относительно готовности крымского «царя» выполнить свои обещания у Сигизмунда было более чем достаточно. В королевском письме остринскому наместнику С. Скиндеру сообщалось, что сам крымский «царь» пока «на конь не всел», но татарский князь Адрагман (Абдуррахман) «ещо з весны вышоль з Орды, и недалеко от Черкасъ в поли лежит...», пересылаясь с ним, с Сигизмундом. И он, король, предостерегал Скиндера, «ижьбы тая помоц царева через князя Адрагмана такъже нам не стала, какъ минулого году...», тем более, что, как доносил киевский воевода А. Немирович, «Абъдрагманъ с тыми малыми людми, котории с нимъ з Орды вышли, и тежь с козаки добрицкими и очаковскими», оказывается, сопровождал турецкое посольство к великому князю Московскому⁹⁰. Правда, далее король продолжал, что татарский князь вместе с черкасским старостой О. Дашкевичем отправился в набег «в землю неприятеля нашего московского воевати»⁹¹. Но очевидно, что не этого ожидал от Менгли-Гирея, своего брата, великий князь литовский, совсем не этого. Набег Абдуррахмана и Дашкевича

был не более чем булавочным уколом, с которым российский государь мог справиться, вовсе не снимая войска с главного, смоленского направления.

В последней попытке подтолкнуть крымского хана к активным действиям король пишет ему 31 мая письмо, в котором сообщает, что 29 мая («по отехани гоньца твоего трети дни») он получил известие: Спергальдт со своими жолнерами «с тыми людьми неприятеля нашего московского битву мели, и ласкою Божою две тысячи москвичь наголову поразили, и трехь его воеводь убили», а еще одного знатного москвитя взяли в плен⁹². Рассказав хану о великой победе, Сигизмунд не преминул добавить, что де пленный показал — великий князь московский пересылается с врагами Менгли-Гирея ногаями и «ты бы, брать нашъ, самъ того побачь, на кого тот неприятель нашъ Орьду Нагаискую подымаешь, к тебе, брату нашему, пославъ своихъ съ своими несправедливыми словы, и с присягою частокрот присылаешь и мерит ся, а з другое стороны нагаичовъ на тебе, брата нашего, направляет...»⁹³.

Намек, сделанный Сигизмундом хану, был более чем прозрачен, но ждать скорого прибытия «помощной» татарской рати вряд ли стоило. Союзник короля, брат его крымский «царь», явно не торопился вступать в схватку, мотивировав свое нежелание воевать с «московским» тем, что де ногаи «до нас кочюють. А мовять: з Менъдли Кгиреемъ, царемъ, переведаемъ ся...», посему он, крымский царь, «уседыши на конь свои, против их поехали есмо...». Одним словом, завершал свое послание хан, «Боже, даи, абыхмо и мы надъ неприятелемъ своимъ зыскали, а потом на вашего неприятеля деле станемъ, такъ ведаите...»⁹⁴.

Получив это известие, великий князь литовский отчетливо понял, что и крымский царь подвел своего брата. Все надежды короля были теперь только на то, что смоляне останутся ему верными и отразят новое наступление московитов. Тем более, что в начале апреля 1514 г. они присягали ему на верность вместе с новым воеводой и сюзерен пожаловал смолян новым привилеем⁹⁵.

Тем временем события под Смоленском развивались по московскому сценарию, который никак не изменился от того, что под Оршей малочисленный русский «загон», скорее всего около трех сотен человек, был разбит жолнерами Спергальдта. В первых числах июня или к середине этого месяца, — если понимать летописную фразу о том, что Василий II выступил из Москвы 8 июня 1514 г., послав «наперед себя» дорогобужскую рать, как указание на то, что приказ на ее выдвижение был отправлен из столицы 7 или 8 июня, — к Смоленску подступил сам *supremum campiductor* боярин князь Д.В. Щеня со товарищи. Соединившись с «лехкой» ратью, они «город облегли», посады у него «отняли» и «туры поставиша», ожидая самого великого князя с «нарядом». Видимо, тогда же князь М.Л. Глинский вступил в тайные пересылки со своими доброхотами в Смоленске и, возможно, завязал переписку с командирами смоленских жолнеров на предмет условий, на которых смоляне могли бы капитулировать. Если верить С. Герберштейну, у Глинского был неплохой мотив для этого — великий князь пообещал сделать его смоленским удельным князем, если он уговорит город «задаться за него»⁹⁶.

Сам Василий III, как уже не раз отмечалось выше, покинул Москву 8 июня 1514 г., завершив переговоры с послом султана Селима I. Оставив «на хозяйстве» в Москве своего зятя татарского «царевича» Петра Ибрагимовича и брата Андрея, да с ними «бояр и приказных людей и детей боярских», великий князь взял с собой свой двор, братьев Юрия и Семена с их дворами, а также, надо полагать, «казенных пищальников» и «наряд» — всего около 4 тыс. «сабель» и «пищалей», не считая пушкарей и обслуги «наряда»⁹⁷. До Дорогобужа из Москвы нужно было пройти 250 верст, так что великому князю и его рати с тяжелым обозом потребовалось бы для этого порядка трех недель, и еще не меньше недели для того, чтобы добраться из Дорогобужа до Смоленска⁹⁸. Поэтому в Дорогобуже Василий III должен был оказаться в последних числах июня 1514 г., а под Смоленском — не позднее 10 июля.

В Дорогобуж Василий намеревался явиться не один, а с подмогою, убедившись в том, что Менгли-Гирей не собирается оказывать реальную помощь своему литовскому брату. Об этом Василию могли донести московские доброты в Крыму, а кроме того, великий князь получил от османского посла надежные заверения в том, что крымский «царь» будет придерживаться нейтралитета. Государь отозвал к себе часть сил из-под Тулы под началом четырех воевод и часть своего двора (600—800 всадников под командой четырех голов), всего около 1,5–2 тыс. отборных «сабель». Встреча с ними должна была состояться все в том же Дорогобуже⁹⁹. Этой группе предстояло совершить долгий марш протяженностью порядка 400 верст. Однако, поскольку они шли налегке, без громоздкого обоза, то, с учетом времени, которое требовалось гонцу из Москвы для преодоления 160 верст, отделявших Тулу от столицы, под Дорогобужем «туляне» могли сосредоточиться самое позднее через две недели, в начале третьей декады июня 1514 г. Так что у них еще осталось бы несколько дней для отдыха и приведения себя в порядок¹⁰⁰.

Сняв часть войск с южного направления, Василий III все же не решился оголить этот участок и на всякий случай, если крымцы вдруг проявят ненужную активность, приказал своему брату Дмитрию Жилке со всеми его людьми выдвинуться в Серпухов, перекрыв тамошние «перелазы» через Оку и подстраховав тульскую группировку¹⁰¹. Наконец, 7 июня в Великие Луки поскакал гонец с наказом князю Шуйскому и «иным воеводам многим со многими людьми идти в Литовскую землю на Дрютские поля (в районе городка Друцк, к западу от Орши. — В.П., Т.П.), беречи от короля своего дела»¹⁰².

Выдвижение Василия к Смоленску было долгим и заняло около месяца: «И месяца июля пришел князь велики сам и с своею братиею под город Смоленск»¹⁰³. Собственно говоря, именно с этого момента началась настоящая осада города русскими войсками. Видимо, именно это имел в виду С. Гурский, когда писал о том, что «Московит», не сумев сломить сопротивление гарнизона Смоленска «военными машинами и огненными ядрами (*tormentis bellicis*

globisque ignitis)», опустошил его окрестности, а затем снова вернулся к осаде города¹⁰⁴. В том, что Василий III и его воеводы сполна использовали свое преимущество в артиллерии и подвергли Смоленск длительной мощной бомбардировке, сходятся все — и русские летописцы, и польские хронисты. Так, неизвестный автор Софийской 2-й летописи сообщал, что государь, подступив к городу, «пушки и пищали около города велел уставити и приступ ко граду хотел учинити, ис пушек и ис пищалей велел бил по городу и в город бити». Иоасафовская летопись дополняет эту картину новыми красками: «И повеле (Василий III. — В.П., Т.П.) около града пушки и пищали изставити, и по граду бити со всех стран, и приступы великие чинити, и из огненных пушек повеле во град стреляти. Яко от пушечного и пищального стуку и людского кричания и вопля, тако же и от градских людеи супротивнаго бою пушек и пищалеи земле колебаться и друг друга не видети, ни слышати, и весь град в пламени и курении дыма мняшеся воздыматися ему...»¹⁰⁵. Польские источники сообщают, что деятельную помощь воеводам Василия III во время этой осады города оказывали иностранные, итальянские и немецкие, специалисты-инженеры¹⁰⁶. Об одном из них, артиллерийских дел мастере Степане (Стефане), сообщает Архангелогородский летописец¹⁰⁷.

Гарнизон Смоленска и сами смоляне, зная о том, что король собирает армию и 24 июня будет готов выступить на помощь осажденным, на первых порах стойко выдерживали обстрел и приступы, благо мощные деревоземляные укрепления города с трудом поддавались воздействию каменных ядер московской артиллерии, а урон, наносимый ими, немедленно исправлялся осажденными¹⁰⁸. Однако время шло, помощь все не приходила, тогда как никаких признаков того, что решимость Василия III на этот раз овладеть Смоленском слабеет, не было. Напротив, бомбардировка продолжалась, и на фоне непрекращающегося гула московской артиллерии слова князя Глинского о необходимости сдачи московскому государю становились все более и более убедительными.

Степень значимости в падении Смоленска князя-перебежчика, который «отъехал» на службу Василию III после ликвидации поднятого им в 1508 г. мятежа, существенно разнится в зависимости от того, с какой стороны было сделано описание осады. В русских летописях его роль как главного виновника «смоленского взятия» вообще никак не просматривается. В лучшем случае, как, например, в Иоасафовской летописи, он упоминается в числе государевых воевод, отправившихся добывать «град Смоленск»¹⁰⁹. То же самое относится и к разрядным записям. Совсем не так выглядит картина, если исходить из немецких и польских источников. Уже в сентябре 1514 г. мемельский комтур, получив известия от своих осведомителей о событиях лета 1514 г., отписывал магистру в Кенигсберг о том, что «Herczog Michell» с тысячью всадников прибыл под Смоленск на Петров день (29 июня) и своими речами содействовал взятию города¹¹⁰. Вслед за комтуром и С. Герберштейн также обвиняет Глинского в том, что он организовал сдачу Смоленска, подкупив смоленских «*militiaeque praefectos*». Далее имперский дипломат добавлял, что великий князь приобрел Смоленск не столько благодаря своим ратям, сколько «искусству этого мужа», который «одним своим присутствием отнял у воинов, оборонявших (крепость) всякую надежду защитить город, и запугиванием, и посулами склонив их к сдаче...». В другом же месте своих записок Герберштейн называет и непосредственного виновника капитуляции Смоленска — некоего чешского (Bohemi) ротмистра¹¹¹. В один голос обвиняют Глинского в сдаче города польские и литовские хронисты¹¹². Да и сам Сигизмунд, отписывая 30 июля 1514 г. королю венгерскому и чешскому Владиславу, деланно возмущался тем, что Смоленск, обильно снабженный всем необходимым для того, чтобы выдержать очередную осаду, тем не менее, сложил оружие и открыл ворота из-за измены наемников и местного нобилитета¹¹³.

Безусловно, М. Глинский, мечтая стать смоленским князем, приложил максимум усилий и постарался в своих речах быть как можно более

убедительным, чтобы уговорить смолян перейти на сторону Василия III. Но вместе с тем, даже апологетически настроенный по отношению к Сигизмунду Й. Деций отмечал, что они склонились к предложениям Глинского принять власть московского государя только после того, как убедились — помощи от Сигизмунда ждать в скором времени не приходится¹¹⁴. В конце концов, стратегия Василия III, нацеленная на истощение сил обороняющихся, рано или поздно должна была дать свой результат, запас прочности у смолян был на исходе. И вот в 20-х числах июля 1514 г. «граждане» «начаша въпити и кликати, чтобы князь великий государь пожаловал меч свой унял, а бою престати повелел, а они государю хотят бити челом и град подати...»¹¹⁵.

Василий, естественно, обрадовался этим новостям, обещавшим скорое завершение порядком затянувшейся и поднадоевшей «смоленской истории». К великому князю непрерывным потоком поступали сведения о том, что Сигизмунд пусть и медленно, но все же собирается с силами, а его люди местами переходят в контратаки и одерживают пусть и мелкие, но все же победы над отдельными отрядами москвитов¹¹⁶. Чтобы смоленский епископ Варсонофий и смоляне, выславшие на переговоры смоленского боярина М. Пивова, были посговорчивее и не слишком упорствовали, а слова великокняжеских представителей, сына боярского И.Ю. Шигоны Поджегина и дьяка И. Телешова, выглядели на переговорах более весомыми, Василий приказал Стефану еще раз продемонстрировать мощь московской артиллерии. Автор Архангелогородского летописца, явно со слов очевидца или участника тех событий, писал, что «повеле князь велики пушкарю Стефану пушками город бити июля в 29 день, в субботу, на 3-м часу дни (в восьмом часу утра. — В.П., Т.П.), из-за Днепра. И удари по городу болшею пушкою. И лучися на городе по их пушке по наряженной ударити, и их пушку разорвало, и много в городе в Смоленску людеи побило». Перезарядив «болшею пушку», на что ушло без малого три часа, Стефан повторил свой опыт, «много мелких ядер собра, и окова свинцем, и удари в други. И того боле в городе людеи побило».

После третьего выстрела из бомбарды, которую, похоже, только к концу июля доставили на позиции под Смоленском, «видя владыка, и воивода градной (возможно, Михаил Бася¹¹⁷. — В.П., Т.П.), и пан Юрье Солоусовичь изнеможение градное и пагубу, и выиде из Смоленска на мост и нача бити челом великому князю, прося срока до завтрея», но Василий своего согласия не дал и приказал возобновить бомбардировку — он почувствовал слабость и колебания смолян и решил ковать железо, пока оно горячо¹¹⁸.

Возобновление бомбардировки ускорило принятие смоленскими верхами решения о капитуляции. Еще 10 июля, вскоре после прибытия Василия III под свою «вотчину град Смоленск», к смолянам была отправлена жалованная грамота великого князя, в которой он обязывался «их пожаловати, держати в их старине, как их держал князь великий Витовт и иные прежние государеве их, по той утвержденной грамоте, какову им дал свою утвержденную грамоту Александр король...»¹¹⁹. Но, поскольку нам известно о том, что существовало по меньшей мере две жалованных грамоты, выданных Василием смоленским мещанам и «всей земле», то, видимо, с 10 июля вплоть до конца месяца шло согласование текста и перечня тех прав, которые Василий соглашался предоставить смолянам¹²⁰. Бомбардировка 29 июля резко ускорила ход переговорного процесса. 30 июля 1514 г., согласно сведениям С. Гурского¹²¹, М. Пивов «от владыки Варсунофья, и от князеи, и от боар, а мещан и от мещан и от черных людеи били челом с великим молением, чтобы велики государь пожаловал владыку Варсуновия и князеи, и бояр смоленских, также и мещан и черных людеи, гнев свои государь на них утолил, и вины им отдал, что они противу его, государя, стояли...»¹²².

Обрадованный великий государь в ответ на такое «великое моление» изволил пожаловать смолян, продиктовав им условия капитуляции. Город принимал московского наместника, которым был назначен боярин князь В.В. Шуйский. Королевский наместник, воевода пана Ю. Сологуб, и все те, кто не хотел служить московскому государю, отпускались на волю. Их великий князь,

по словам летописца, «отпустил к королю и проводити их велел до Орши». Остальные же, в том числе «гетманы жолнерскыя и желныри», «били челом государю, чтобы государь их пожаловал, похотел их службы». На следующий день, 31 июля, «выехаша из града Смоленьска к великому князю к шатром многие князи и бояре смоленские очи великого князя видети и крест государю великому князю перед бояры целовати», присягая на верность Василию III. Одновременно с этим в Смоленск отправился воевода князь Д.В. Щеня со «многими воеводами и многими людми» приводить к присяге смолян — «князеи и бояр смоленских, и мещан, и всех черных людеи»¹²³. Смоленская эпопея Василия III подходила к закономерному концу. И в самом деле, смоляне, продемонстрировав достаточную стойкость и верность своему государю, отразив приступы московских полков дважды, а если вспомнить еще поход Дмитрия Жилки в 1502 г. — то и трижды, вправде были ожидать от Сигизмунда помощи не только на словах, но и на деле. Не получив же этой помощи, смоленская верхушка решила попытаться спасти то, что еще можно было спасти, тем более что московский государь не скупился на обещания и действительно готов был «жаловать» смолян по их «старине».

И вот 1 августа 1514 г. свершилось событие, которого ждал, но так и не дождался Иван III: «князь велики Василеи Иванович, всея Руси государь, с своею братьею и з бояры, со многими людьми своими, во град Смоленск поеха, и вьстретили его с кресты из града владыка смоленьский Варсонофеи со архимандриты и со игумены, и со всеми священники, такоже князи и бояре, и мещане, и черные люди, и весь народ града Смоленьска вьстретиша государя великого князя со многою любовью...». Торжественный молебен и обедня в «святеи соборнеи церкви Пречистеи богородици честнаго и славнаго ея Успения» завершили торжество обретения государем всея Руси своей «вотчины»¹²⁴.

Успех, одержанный Василием III в эти летние дни, стал самым большим на западном, «литовском», направлении его внешней политики за все годы

правления. Хотя война со взятием Смоленска не прекратилась и длилась еще без малого 8 лет, а впереди были несчастная для русских битва под Оршей 8 сентября 1514 г., после которой литовцы попытались было вернуть Смоленск, рассчитывая на «пятую колонну» внутри города, и неудачная экспедиция королевской армии под Опочку в 1517 г., и столь же неудачная попытка «силы новгородской и псковской» овладеть Полоцком в следующем году, и взаимные набеги с опустошением пограничных территорий, — главная цель ее была достигнута.

¹ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I. — С. 79.

² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1882. — Т. I. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 1. (годы с 1487 по 1533) (Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее — СБРИО). Т. 35). — С. 460.

³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1887. — Т. V. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 2 (годы с 1533 по 1560) (СБРИО. Т. 59). — С. 576.

⁴ Об этой экспедиции см.: Пенской В.В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал. — 2012. — № 10. — С. 73–79.

⁵ Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. — Нежин, 1899. — Т. II.

⁶ Также можно упомянуть серию статей А.Б. Кузнецова, среди которых выделяется следующая его работа, не лишенная, впрочем, досадных

неточностей: Кузнецов А.Б. Борьба Русского государства за Смоленск и его освобождение в 1514 г. // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР (Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР. Вып. XXX). — Саранск, 1966. — С. 148–159.

⁷ См., напр.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. — М., 2004; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. — М., 1972; Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. — М., 2010; Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. К 500-летию сражения. — СПб., 2011; Он же. Три осады Смоленска // Родина. — 2013. — № 9. — С. 23–25. Из последних работ, посвященных взятию Смоленска, см. также: [Михайлова И.Б. К вопросу о «Смоленском взятии» 1514 г. // Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2011. — № 2\(10\). — С. 41–54.](#)

⁸ См.: Воскресенская летопись (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. VIII). — М., 2001; Псковская 1-я летопись (ПСРЛ. Т. V. Вып. 1). — М., 2003; Псковская 3-я летопись (ПСРЛ. Т. V. Вып. 2). — М., 2000; Софийская вторая летопись (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2). — М., 2001; Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв. (ПСРЛ. Т. LXII). — Л., 1982 и др.

⁹ В том, что они должны были быть, сомнений практически нет — в описи царского архива упоминается «розряд Смоленской и приговоры», равно как, кстати, и «наряд служебной, княж Дмитреев поход Ивановича к Смоленску лета 7010», см.: Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. — М., 1960. — С. 33, 35. Представление о том, какая информация могла содержаться в этом «наряде», дают, хотя бы и отчасти, разрядные записи о Полоцком походе Ивана Грозного в 1562/1563 гг., см.: Баранов К.В. Записная

книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 119–154.

¹⁰ О походе 1514 г. см., напр.: Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (далее — ДРК). — М., 1901; Разрядная книга (далее — РК) 1475–1598 гг. — М., 1966; РК 1475–1605. — М., 1977. — Т. I. — Ч. I. О Государевом разряде и частных разрядных книгах см., напр.: Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. — М., 2005.

¹¹ См., напр.: Евреиновская летопись (ПСРЛ. Т. XXXV). — М., 1980. — С. 234; Западнорусские летописи. Список Археологического общества (ПСРЛ. Т. XVII). — М., 2008. — Стб. 289–290; Западнорусские летописи. Список гр. Рачинского (ПСРЛ. Т. XVII). — Стб. 346–347; Хроника литовская и жмойтская (ПСРЛ. Т. XXXII). — М., 1975. — С. 104.

¹² Kronika Marcina Bielskiego. — Sanok, 1856. — Т. II. — S. 970–971; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. — Warszawa, 1846. — Т. II. — S. 374–375.

¹³ См.: Acta Tomiciana (далее — АТ). — Posnaniae, 1853. — Т. III.

¹⁴ См., напр.: Lietuvos Metrika (далее — LM). — Vilnius, 2011. — Кн. 7. 1506–1539.

¹⁵ Сапожников Н.В. «Литовский вал» в Смоленске // Краткие сообщения Института археологии. — М., 1980. — Вып. 160. Средневековые древности Восточной Европы. — С. 101; Он же. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. — М., 1991. — С. 56.

¹⁶ Маскевич С. Записки // Сказания современников о Димитрии Самозванце. — СПб., 1834. — Ч. 5. — С. 18.

¹⁷ Иоасафовская летопись. — М., 1957. — С. 161.

-
- ¹⁸ Меховской М. Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховской. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов. — Рязань, 2009. — С. 108.
- ¹⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. — С. 325.
- ²⁰ АТ. — Т. III. — Р. 2.
- ²¹ Рябинин Н. Новое известие о Литве и Московитах (К истории второй осады Смоленска в 1512 году) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1906. — Кн. 3. V. Смесь. — С. 6.
- ²² Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) — С. 57.
- ²³ Иоасафовская летопись. — С. 194; Рябинин Н. Новое известие о Литве и Московитах (К истории второй осады Смоленска в 1512 году). — С. 6.
- ²⁴ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582) // Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582). А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. — Рязань, 2005. — С. 89.
- ²⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1882. — Т. I. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 1. (годы с 1487 по 1533). — С. 499.
- ²⁶ См., напр.: Воскресенская летопись. — С. 253; ДРК. — С. 47–50; Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522). — С. 212; Псковская 1-я летопись. — С. 97 и др.
- ²⁷ Иоасафовская летопись. — С. 161, 193; Софийская вторая летопись. Стб. 395.
- ²⁸ ДРК. С. 50.
- ²⁹ АТ. — Posnaniae, 1852. — Т. II. — Р. 142; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszyskiej Rusi. — Т. II. — Р. 373.

³⁰ Воскресенская летопись. — С. 253; ДРК. — С. 52–53; Иоасафовская летопись. — С. 161; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 133–134; Софийская вторая летопись. — Стб. 396.

³¹ Литовская Метрика. — СПб., 1901. — Отд. 1. — Ч. 1. Книга записей. — Т. 1 (Русская историческая библиотека. Т. XXVII). — Стб. 477–508; Бохан Ю.М. Наёмная войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV-XVI ст. — Мінск, 2004. — С. 14.

³² Воскресенская летопись. — С. 253.

³³ Рябинин Н. Новое известие о Литве и Московитах (К истории второй осады Смоленска в 1512 году). — С. 6.

³⁴ РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 133.

³⁵ Там же. — С. 6.

³⁶ Калга Мухаммед-Гирей, при престарелом Менгли-Гирее забиравший все более и более власть в свои руки, узнав о том, что великий князь стоит в Боровске, решил не искушать судьбу и вместо похода на «московского» пошел «ратиться» с «воложским», молдавским господарем Богданом. К Василию же калга послал своего служилого татарина Кудеяра Базангозина, которому повелел сообщить, что он де готов вместе с московским государем выступить против Сигизмунда. См.: Иоасафовская летопись. — С. 193.

³⁷ Иоасафовская летопись. — С. 194.

³⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I. — С. 245

³⁹ Воскресенская летопись. — С. 253; Иоасафовская летопись. — С. 194; Рябинин Н. Новое известие о Литве и Московитах (К истории второй осады Смоленска в 1512 году). — С. 6.

⁴⁰ «Приспе осень, дни студеныя, а корму конскаго скудно бе» (Иоасафовская летопись. — С. 194).

⁴¹ Псковская 1-я летопись уточняет, что 26 октября 1513 г., «на Дмитриев день», великий князь, убедившись в том, что смоляне «не задашася за него», «посла ...

наряд свои весь к Москви, чем город били, и иная замышления многая», а затем и сам Василий, «постояв» «по наряде», «отъехал» к Москве, «не оучиня ничего же». См.: Псковская 1-я летопись. — С. 97.

⁴² Новгородская четвертая летопись (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1). — М., 2000. — С. 462; Псковская 1-я летопись. — С. 97; Софийская вторая летопись. — Стб. 396.

⁴³ Рябинин Н. Новое известие о Литве и Московитах (К истории второй осады Смоленска в 1512 году). — С. 6.

⁴⁴ Редкие источники по истории России. — М., 1977. — Вып. II. — С. 172.

⁴⁵ РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 136.

⁴⁶ ДРК. — С. 54; РК 1475–1598. — М., 1966. — С. 53; РК 1475–1605. — Т. I. Ч. I. — С. 136–137.

⁴⁷ Краткую биографию А.В. Ростовского см., напр.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 80–81.

⁴⁸ ДРК. — С. 55; РК 1475–1598. — М., 1966. — С. 54; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 139–140.

⁴⁹ ДРК. — С. 56; РК 1475–1598. — М., 1966. — С. 55; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 139.

⁵⁰ О численности пищальников «казенных», то есть находившихся на содержании великого князя и, таким образом, имевших полурегулярный характер, можно судить по тому, что согласно Псковской 3-й летописи, покидая в 1510 г. Псков, Василий оставил там 1000 «пищальников казенных», а С. Герберштейн писал, что в его бытность в Москве (первый раз он приезжал туда в 1517 г.) у великого князя было «почти полторы тысячи пехотинцев из литовцев и всякого сброда... (в оригинале «allerlay Nationen». — В.П., Т.П.)...» (Герберштейн С. Записки о Московии. — С. 244–245; Псковская 3-я летопись. — С. 258).

-
- ⁵¹ О численности татарских «дворов» на сер. XVI в. см.: Беляков А.В. Чингисиды в России XV – XVV веков. — Рязань, 2011. — С. 195. Явно в Смоленском походе 1514 г. не могло участвовать больше служилых татар, чем в Полоцком походе 1562/1563 гг.
- ⁵² LM. — Kn. 7. — P. 643–644.
- ⁵³ Ibid. — P. 294.
- ⁵⁴ Kronika Marcina Bielskiego. — T. II. — S. 970.
- ⁵⁵ LM. — Kn. 7. — P. 642–643.
- ⁵⁶ AT. — T. III. — P. 83.
- ⁵⁷ Ibid. — P. 45.
- ⁵⁸ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. — М., 1900. — С. 198; AT. — T. III. — P. 83.
- ⁵⁹ AT. — T. III. — P. 67.
- ⁶⁰ LM. — Kn. 7. — P. 642–643.
- ⁶¹ AT. — T. III. — P. 94, 99–100.
- ⁶² Ibid. — P. 99.
- ⁶³ LM. — Kn. 7. — P. 644.
- ⁶⁴ Ibid. — P. 303.
- ⁶⁵ AT. — T. III. — P. 71; LM. — Kn. 7. — P. 303–304.
- ⁶⁶ Boldyrew A. Piechota zaciężna w Polsce w pierwszej połowie XVI wieku. — Warszawa, 2011. — S. 72; Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. — Zabrze, 2011. — T. I. Lata 1500–1548. — S. 187.
- ⁶⁷ LM. — Kn. 7. — P. 289.
- ⁶⁸ Ibid. — P. 290–291.
- ⁶⁹ ДРК. — С. 54–55; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 137.
- ⁷⁰ Воскресенская летопись. — С. 255. Ср.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (ПСРЛ. Т. XIII). — М., 2000. — С.

18–19; Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) (ПСРЛ. Т. XXVIII). — М., 1963. — С. 348.

⁷¹ Софийская 2-я летопись. — Стб. 399.

⁷² Иоасафовская летопись. — С. 195.

⁷³ См. напр.: ДРК. — С. 55.

⁷⁴ Как обещал Юрий Иванович Василию Ивановичу в докончаньи 1504 г.: «А где, господине, ты, князь велики, всядеши на конь сам, или твои сын, князь велики, и мне, господине, с вами поити. А где, господине, меня пошлете, и мне поити без ослушанья. А где, господине, пошлете своих воевод, и мне с вашими воеводами послати своего воеводу с своими людми...» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. — М.-Л., 1950. — С. 369).

⁷⁵ См., напр.: Западнорусские летописи. Список графа Рачинского. — Стб. 346. Ср.: LM. — Кн. 7. — Р. 303.

⁷⁶ АТ. — Т. III. — Р. 102.

⁷⁷ Ibid. — Р. 71.

⁷⁸ Ibid. — Р. 90.

⁷⁹ См., напр., послание Сигизмунда Я. Свирчовскому, датированное 13 мая 1514 г.: АТ. — Т. III. — Р. 94.

⁸⁰ Ibid. — Р. 103.

⁸¹ Так, в письме Менгли-Гирею от 26 мая 1514 г. король пишет, что главной причиной отправки этого послания стало известие, полученное накануне, о том, что «неприятель нашъ московскийи люди свои под замокъ нашъ Смоленъскъ прислал...» (LM. — Кн. 7. — Р. 299).

⁸² Состав рати можно определить, исходя из сообщения Иоасафовской летописи, разрядных записей и письма Сигизмунда крымскому хану от 31 мая 1514 г. В последнем Сигизмунд сообщает о победе над отрядом русских под Оршей, и среди убитых там воевод называет имя первого воеводы полка Левой

руки А.И. Кураки Булгакова, который, «воскреснув» из мертвых, принял участие в битве под Оршей 8 сентября того же года. См.: Иоасафовская летопись. — С. 195; РК 1475–1598. — С. 54; LM. — Кн. 7. — Р. 303.

⁸³ Книга Большому Чертежу (далее — КБЧ). — М.-Л., 1950. — С. 55, 99.

⁸⁴ См. также: Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. — S. 374.

⁸⁵ АТ. — Т. III. — Р. 71.

⁸⁶ Из письма Сигизмунда Менгли-Гирею 31 мая 1514 г.: «А напередъ отправили есмо некоторую суму воиска нашего, котории ж люди наши на Ръши положили ся...» (LM. — Кн. 7. — Р. 303). См. также: Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. — S. 181–182; *Chronicorum Bernardi Wapovii partem posteriorem 1480–1535* (Scriptores Rerum Polonicarum. Т. II). — Cracoviae, 1874. — S. 115.

⁸⁷ АТ. — Т. III. — Р. 71–72; LM. — Кн. 7. — Р. 303.

⁸⁸ LM. — Кн. 7. — Р. 304.

⁸⁹ Ibid. — Р. 299.

⁹⁰ LM. — Кн. 7. — Р. 301–302. Посольство от султана прибыло в Москву 28 мая 1514 г. (Воскресенская летопись. — С. 254). Видимо, это посольство и людей Абдуррахмана имел в виду Сигизмунд, когда сообщал 20 мая 1514 г. А. Костелецкому о 2 тыс. турок и 700 татарях «в поле» (*in campos*) (АТ. — Т. III. — Р. 100).

⁹¹ LM. — Кн. 7. — Р. 302.

⁹² Ibid. — Р. 303. Пассаж о трех якобы убитых в стычке под Оршей московских воеводах и о пленном москвитине Ратае Ивановне сыне Ширяеве, разобран А.Н. Лобиним. См.: Лобин А.Н. Битва под Оршей. — СПб., 2011.

⁹³ LM. — Кн. 7. — Р. 303.

⁹⁴ Ibid. — Р. 309.

⁹⁵ Текст привилея, см., напр.: Кром М.М. Меж Русью и Литвой. — С. 261–263.

⁹⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I. — С. 81.

⁹⁷ См., напр.: Воскресенская летопись. — С. 255; Иоасафовская летопись. — С. 195; РК 1475–1598. — С. 54–55. По сообщению М. Бельского, русская осадная артиллерия под Смоленском насчитывала 300 стволов (Kronika Marcina Bielskiego. — Т. II. — S. 970). Видимо, эту цифру Бельский позаимствовал из хроники Й. Деция: Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundu Regis Temporibus Liber 1521. — Krakow, 1901. — S. 71. На Деция прямо ссылается и М. Стрыйковский: Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. — Т. II. — S. 374. Скорее всего, это число преувеличено, но в том, что Василий привел мощный осадный парк для третьей осады города, сомневаться не приходится.

⁹⁸ КБЧ. — С. 55.

⁹⁹ РК 1475–1598. — С. 55; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 138–139.

¹⁰⁰ КБЧ. — С. 55–56, 59.

¹⁰¹ РК 1475–1598. — С. 54–55.

¹⁰² Иоасафовская летопись. — С. 195. Любопытно, но именно там, на «Друцких полях», на Рождество Иоанна Предтечи (24 июня) должна была собраться литовская рать (LM. — Кн. 7. — Р. 298). Следует ли из этого, что Василию III было известно о планах Сигизмунда?

¹⁰³ Воскресенская летопись. — С. 255.

¹⁰⁴ АТ. — Т. III. — Р. 1. Обращает на себя внимание использованный Гурским применительно к ядрам термин «ignitis». Значит ли это, что русские пушкари применили в ходе последней осады Смоленска каленые или иные зажигательные ядра, либо же перед нами обычная книжная «фигура речи», использованная для большего эмоционального эффекта?

¹⁰⁵ Западнорусские летописи. Список графа Рачинского. — Стб. 346; Иоасафовская летопись. — С. 195; Софийская 2-я летопись. — Стб. 399. Ср.: Kronika Marcina Bielskiego. — Т. II. — S. 970; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. — Т. II. — S. 374 и др.

-
- ¹⁰⁶ Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundu Regis Temporibus Liber 1521. — S. 71.
- ¹⁰⁷ Архангелогородский летописец (ПСРЛ. Т. 37). — Л., 1982. — С. 100. О немчине Степане-пушечнике см.: Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым (Русская историческая библиотека. Т. XVI). — СПб., 1897. — С. 30.
- ¹⁰⁸ Kronika Marcina Bielskiego. — Т. II. — S. 970.
- ¹⁰⁹ Иоасафовская летопись. — С. 195.
- ¹¹⁰ Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. — Petropoli, 1848. — С. 361.
- ¹¹¹ Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I. — С. 325, 469. Любопытно, что в списке ротмистров пеших рот, набранных Сигизмундом в 1513 г., есть некий Лада (Boldyrew A. Piechota zaciężna w Polsce w pierwszej połowie XVI wieku. — S. 71.). Не был ли этот Лада тем чехом, который соблазнился щедрыми обещаниями Глинского?
- ¹¹² См., напр.: Западнорусские летописи. Список графа Рачинского. — Стб. 346; АТ. — Т. III. — Р. 2; Kronika Marcina Bielskiego. — Т. II. — S. 971; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. — Т. II. — S. 374–375; Chronicorum Bernardi Wapovii partem posteriorem 1480–1535. — S. 116.
- ¹¹³ АТ. — Т. III. — Р. 154.
- ¹¹⁴ Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundu Regis Temporibus Liber 1521. — S. 72.
- ¹¹⁵ Воскресенская летопись. — С. 255.
- ¹¹⁶ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки // Памятники истории Восточной Европы. — М.,-Варшава, 2002. — Т. VI. — С. 25–27, 207; АТ. — Т. III. — Р. 150.
- ¹¹⁷ В привилее, выданном Сигизмундом I вдове Михаила Баси, он поименован «смоленским околничим», имеющим «отъчызыны» на Смоленщине, а из другой грамоты известно, что во время последней осады Смоленска Михаил являлся смоленским хорунжим (LM. — Кн. 7. — Р. 507, 643). Логичным было бы предположить, что именно он скрывается под именем «градного воеводы»

русской летописи. О статусе хорунжего см., напр.: Любавский М.К. Литовско-русский сейм. — С. 476–479.

¹¹⁸ Архангелогородский летописец. — С. 100.

¹¹⁹ Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. — Ч. I. — С. 411–413. О датировке грамоты см., напр.: Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. — С. 162; Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522). — С. 233.

¹²⁰ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. — М., 1960. — С. 26. Кроме того, в описи архива Посольского приказа 1614 г. упоминается некая «тетрадь лета 7023-го году», в которой содержалось челобитье смоленских князей, дворян и детей боярских с просьбою к великому князю их пожаловать и дать им епископа. Следовательно, есть вероятность того, что была и еще одна, третья грамота, выданная служилым смоленским людям (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. — С. 54).

¹²¹ АТ. — Т. III. — Р. 2. Ср.: Kronika Marcina Bielskiego. — Т. II. — S. 971; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. — Т. II. — S. 375.

¹²² Иоасафовская летопись. — С. 195–196.

¹²³ Софийская летопись. — Стб. 400.

¹²⁴ Там же. — Стб. 400–401.